

А. С. ПУШКИН И «КРЫМСКАЯ» ПОЭМА И. П. БОРОЗДНЫ

Статья посвящена проблеме влияния творчества А. С. Пушкина на «крымский» текст его малоизвестного поэта-современника И. П. Бороздны — на романтическую поэму «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма», ставшую в наше время библиографической редкостью.

Ключевые слова: романтизм, А. С. Пушкин, крымский текст, путешествие.

A. S. Sheremet

A. S. PUSHKIN AND THE “CRIMEAN” POEM OF I. P. BOROZDNA

The article is devoted to the problem of influence of A. S. Pushkin's oeuvre on the "Crimean" text of his unrenowned contemporary poet I. P. Borozdna — the romantic poem the "Poetic essays of the Ukraine, Odessa and the Crimea", which became a rare book in our time.

Key words: romanticism, A. S. Pushkin, Crimean text, trip.

Романтическая поэма Ивана Петровича Бороздны (1804–1858) — «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» (Москва, 1837) — упоминается историками литературы, как правило, в связи с именем А. С. Пушкина и его «южными» поэмами, в особенности — «Бахчисарайским фонтаном» [1, 5, 10]. Пушкинская традиция в поэме очевидна, и почву для неё подготовила большая увлечённость творчеством А. С. Пушкина, возникшая у начинающего поэта И. П. Бороздны задолго до путешествия по югу страны (1834) и создания поэмы. Характерно, что обращение к имени А. С. Пушкина содержат два стихотворения И. П. Бороздны, одно из которых — «К Пушкину» — было написано еще в 1828 году и опубликовано в журнале «Славянин» (Ч. VIII), второе — «На смерть поэта» — в 1837 г. и напечатано в «Сыне Отечества» (ч. 187), а позже — в последнем сборнике И. П. Бороздны «Лучи и тени» (1847 г.). Б. Л. Модзалевский, публикуя в 1908 г. ряд материалов о смерти А. С. Пушкина, включил в сборник и стихотворение И. П. Бороздны «На смерть поэта», отметив, что оно печатается по копии, «снятой рукою отца поэта» С. Л. Пушкина и содержит ряд отличий от варианта, опубликованного В. В. Калашем в сборнике 1899 г. «Русские поэты о Пушкине» [8, с. 41]. Расхождения в упомянутых текстах незначительны, и потому подробно останавливаться на них сейчас не будем.

О личном знакомстве И. П. Бороздны и С. Л. Пушкина могут свидетельствовать воспоминания старшей сестры Д. И. Менделеева Е. И. Капустиной, в 1837 г. гостившей в Москве, в доме кн. Трубецких на Покровке, 22, где служил управляющим её дядя В. Д. Корнильев. По вторникам на «довольно парадные» [7, с. 87] обеды собиралось множество литераторов, их также посещал и С. Л. Пушкин, приходившийся троюродным братом хозяину дома. Гибель А. С. Пушкина, по воспоминаниям Е. И. Капустиной, «отразилась на всем», и в доме Трубецкого, «кажется, ни о чем более не говорилось, как об этом» [7, с. 87]. В эти же дни, по её свидетельству, читали

свои стихотворения на смерть Пушкина Ф. Н. Глинка и И. П. Бороздна, запомнившийся Е. И. Капустиной как «малоросс, богатый помещик, добрый и внимательный» [7, с. 88].

Сразу отметим, что известная скандальная эпиграмма А. С. Пушкина «Накажи, святой угодник...» (1822), адресатом которой является капитан по фамилии Бороздна [11, с. 46], к поэту И. П. Бороздне отношения не имеет.

С А. С. Пушкиным, вероятнее всего, И. П. Бороздна лично знаком не был, однако он уже в 1828 г. (к этому времени были опубликованы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Борис Годунов» и три главы «Евгения Онегина») ощутил и признал сильное влияние А. С. Пушкина на свои произведения. Он видел место А. С. Пушкина в литературном процессе и отдавал себе отчёт о соотношении своих и пушкинских литературных «сил». Обращаясь к А. С. Пушкину, он писал:

Что ж может мой нестройный глас?
Безвестен я тебе и миру ...
Но ты мою возвысил лиру
В сей вдохновенно-сладкий час,
И песнь простая излилась! [2, с. 31].

Удивительно ли, что наиболее крупное по объёму и, пожалуй, ставшее наиболее известным произведение И. П. Бороздны — описательная поэма «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» — содержит ряд отсылок к творчеству А. С. Пушкина?

Так, жанр, избранный И. П. Бороздной (поэма-путешествие), ритмико-строфическая организация «Поэтических очерков» (онегинская строфа), ряд сюжетных линий и даже текстовых совпадений позволяют соотнести поэму с «Евгением Онегиным», в особенности — с «Отрывками из путешествия Онегина». С. Я. Боровой, автор статьи «"Путешествие Онегина" и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века», на наш взгляд, излишне строго назвал поэму И. П. Бороздны не «самостоятельным» произведением, а «самонадеянной» попыткой «продолжить или развить намеченный в "Онегине" и, очевидно, по мнению Бороздны, не полностью реализованный Пушкиным сюжет о путешествии лирического героя» [1, с. 281]. Думается, однако, что, говоря о творческой преемственности, мы должны учитывать особенности литературного контекста.

«Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» — довольно крупное (245 стр.) произведение, состоящее из двенадцати глав-«писем», «поэтических отчётов» о путешествии, адресованных В. П. Завадовскому, путешествовавшему по югу России вместе с И. П. Бороздной. Помимо основного текста, каждая глава «Поэтических очерков» содержит три вставных эпизода — небольшие местные предания «Ведьмак», «Таинственный незнакомец» и «Мирза и Арнаут». Для поэмы характерны прозаические подстрочные комментарии (примечания, уточнения, справка) И. П. Бороздны, весьма пространные, иногда занимающие половину объёма главы.

Путешествие И. П. Бороздны и В. П. Завадовского началось с посещения имения последнего в с. Драбове Полтавской губернии. Важно отметить, что центральная тема фабулы — казалось бы, обыденная поездка с приятелем — в поэме представлена как довольно стереотипная романтическая ситуация «ухода», бегства в провинцию и уединения на лоне природы, сходная, в том числе, и с бегством Евгения Онегина от «шумного света»:

Вдали от обаяний света
Вы отдохнули, милый граф,
От шумных общества забав:
Вы их на время променяли
На тишь Украины своей
И, негой полные, дышали
Раздольным воздухом степей [3, с. 49].

В «малороссийской» части поэмы содержится всего одно, но весьма знаковое упоминание об А. С. Пушкине. Комментируя эпизод о хуторах близ Одессы, И. П. Бороздна заметил: «Эти хутора — истинная прелесть и достойны пера Пушкина» [3, с. 100]. Это, вероятно, указывает не только на понимание И. П. Бороздной безусловного превосходства над ним поэта-современника, но и на то, что автор, осмысливая новый художественный материал, как бы «смотрел» на него сквозь призму пушкинского поэтического опыта.

В одной из «малороссийских» глав, рассуждая о женщинах в столице и провинции, И. П. Бороздна прибегает к явной аллюзии на пушкинское лирическое отступление «Я знал красавиц недоступных...», имеющей прямую текстовую перекличку с её заключительной строкой: «Быть может, на берегах Невы / Подобных дам видали вы» [9, т. 4, с. 63]. Так, у И. П. Бороздны эта фраза из «Евгения Онегина» трансформируется в риторический вопрос, обращённый к В. П. Завадовскому:

Не то же ль на берегах Невы
Порою, граф, встречали Вы
И во дворце, и в Эрмитаже? [3, с. 23].

Следует отметить, что попутчик И. П. Бороздны по путешествию — граф Василий Петрович Завадовский (1799–1855) — был хорошо знаком с А. С. Пушкиным [11, с. 159–160]. Сохранился рассказ (в записи П. И. Бартенева) о разговоре А. С. Пушкина с В. П. Завадовским, ставший следующим литературным анекдотом: А. С. Пушкин, обедавший в ресторане Доминика в октябре 1827 г., на замечание В. П. Завадовского: «Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник!» — отвечал: «Да, ведь я богаче вас, вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв русской азбуки» [6, т. 2., с. 316]. Более того, с конца 1820-х — начала 1830-х гг. А. С. Пушкин был знаком и с женой В. П. Завадовского, Еленой Михайловной Завадовской (Влодек), в альбом которой записал ставшее известным стихотворение «Всё в ней гармония, всё диво...» (1832 г.). Именно Е. М. Завадовская стала прототипом Нины Воронской, «Клеопатры Невы» в «Евгении Онегине» [11, с. 159], о чём было известно ближайшему окружению А. С. Пушкина. П. А. Вяземский, к примеру, в письме к жене называл Е. М. Завадовскую «Клеопатрой Невы» [6, т. 3, с. 448]. Если же об этом знал и В. П. Завадовский, то обращённая к нему фраза И. П. Бороздны о дамах с «берегов Невы» становится не просто литературной аллюзией, а намеком на конкретные детали биографии и косвенным свидетельством того, что И. П. Бороздна и В. П. Завадовский в своих разговорах (несомненно, и в поездке) касались А. С. Пушкина.

Вернёмся к поэме. Посетив имение В. П. Завадовского в Драбове, И. П. Бороздна и В. П. Завадовский отправились на юг. Следующим городом в их маршруте стала Одесса, уже воспетая А. С. Пушкиным в «Отрывках из путешествия Онегина». У И. П. Бороздны описанию Одессы посвящены две главы «Поэтических очер-

ков» (пятая и шестая). Заметим, что если в большинстве произведений об Одессе 1820–30-х гг. город изображался исключительно в романтическом ключе, например, «Вечер в Одессе» С. Е. Раича (1823), «Одесса» В. И. Туманского (1823), «Чудный дом» В. Г. Теплякова (1831), «Южная ночь» В. Г. Бенедиктова (1839) и др., то «Поэтические очерки» И. П. Бороздны представляют собой текст, в котором черты романтической поэтики сочетаются с элементами реализма. При этом их наибольшее сосредоточение обнаруживается во фрагментах, тематически перекликающихся с «одесской» главой «Евгения Онегина», где находят отображение конкретные одесские реалии первой половины XIX в.: городские достопримечательности (оперный театр), персоналии (Отон), географические и этнографические наблюдения. Так, это заметно в упоминании о языковом многообразии портовой Одессы:

А языки: то итальянский,
Французский, английский, испанский,
То греческий, то стран других
Пестро и звучно раздаются [3, 75].

Как мы видим, И. П. Бороздна продолжает пушкинские наблюдения из «Путешествия Евгения Онегина»:

Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
де ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин... [9, т. 4, с. 188].

Ещё более показателен эпизод, в который, ссылаясь на А. С. Пушкина, И. П. Бороздна вводит упоминаемого в «Путешествии Онегина» одесского ресторатора Отона:

И я узнал, что это он,
Всё тот же, Пушкиным воспетый,
Любимец странников — Отон [3, с. 75].

Не лишены сходства с пушкинскими («Я жил тогда в Одессе пыльной...» [9, т. 4, с. 188] и др.) пейзажные зарисовки Одессы у И. П. Бороздны:

Скучна в дни летние природа:
Пыль мучит, пудрит дерева,
От ней кружится голова,
А солнце с голубого свода,
Как в степи аравийской, жжёт
И злакам жизни не даёт [3, с. 80].

Это сходство, по-видимому, ощутил сам И. П. Бороздна и нашёл важным объяснить в подстрочнике, что посетил Одессу летом, как и герой А. С. Пушкина. В комментарии к главе читаем: «Автор видел Одессу только в одно время года, и в самое сухое, почему и не мог в письмах своих дать места описанию города в каком-либо другое время без опасения впасть в подражание» [3, с. 85–86]. И понимать это следует так: произведение А. С. Пушкина настолько совершенно, что хоть в чём-то приблизиться к нему — честь для поэта. Эта же глава, действительно содержащая ряд совпадений с фрагментом об Одессе из «Путешествия Онегина», сопровождается комментарием автора о том, что она (глава) «неумышленно» с его стороны «имеет некоторое сходство с неподражаемым, превосходнейшим описанием Пушкина» [3, с. 86], потому как «в Одессе, как и во всяком другом месте, есть много такого, что

не может уйти от внимания и, так сказать, невольно ложится под перо» [3, с. 86]. При этом И. П. Бороздна почтительно оговаривается, что «идти с ним (Пушкиным. — А. Ш.) одною дорогою — большая дерзость» [3, с. 86].

Тем не менее, дальнейшее путешествие поэта проходило с памятью о Пушкине. Из Одессы И. П. Бороздна морем добирается до Крыма. Начав путешествие по полуострову с посещения Севастополя и стремясь уже там найти экзотическую восточность, поэт был озадачен:

Увидя Крым, я пылко, жадно
Хотел на первом же шагу
Найти хвалёную *восточность*,
Чтоб привести скорее в точность
Мои понятия о краях,
Где я бывал в одних мечтах,
Чтоб утолить в стране Пророка
Восторгов жажду, мыслей жар...

А в Ахтиаре нет Востока:
Нет ни мечетей, ни татар [3, с. 130]

(Ахтиар — название Севастополя до 1826 г.).

Зато «жизнь востока» [3, с. 135] И. П. Бороздна обнаружил в других крымских городах: в Симферополе и, конечно, в Бахчисарае, ассоциировавшемся с поэмой А. С. Пушкина и воспринимавшемся как «предел очарованья» [3, с. 149] и край «ещё недавних вдохновений» [3, с. 153]:

И падает на сердце грусть,
Когда Марию и Зарему
Там вспомнишь!
Пушкина поэму

Прочтешь невольно наизусть [3, с. 154].

Заметим: «прочтешь наизусть»! Не случайно практически сразу же по прибытии в Крым И. П. Бороздна с В. П. Завадовским отправляются в Бахчисарай: не только потому, что Ханский дворец более иных крымских достопримечательностей привлекал поэта, но ещё и потому, что город вписывался в логику избранного путешественниками маршрута. Поясним. Можно было бы предположить, в частности, что одной из целей поездки И. П. Бороздны и В. П. Завадовского было посещение южного имения Завадовских Эленос недалеко от Мисхора. Но дорога из Севастополя на Южный берег Крыма в первой половине XIX в. была весьма опасна. Даже в 1845 г., по воспоминаниям О. П. Шишкиной, по ней было «трудно и опасно ехать, как трудно достигать царствия небесного среди искушений мирских» [12, с. 180]. Гораздо более комфортным был бы путь на Южный берег из Симферополя. Думается, поэтому И. П. Бороздна и В. П. Завадовский направились в Симферополь, посетив и находящийся между Севастополем и Симферополем Бахчисарай.

В Бахчисарай И. П. Бороздну влекло, прежде всего, то, что

Здесь и трубадур Литвы,
И знаменитый бард Невы,
Обворожённые бродили... [3, с. 153].

Понятно, что речь идёт об А. Мицкевиче и А. С. Пушкине. Здесь следует отметить, что в «Поэтических очерках...» есть упоминания и о других поэтах, прежде

всего, романтиках: в поэме упоминаются Н. М. Языков, Е. А. Баратынский [3, с. 100], «Зюлейки пасмурный певец» Дж.-Г. Байрон [3, с. 20], упомянутый выше А. Мицкевич [3, с. 153, с. 112, с. 177]. Но лишь имя А. С. Пушкина встречается на протяжении всей поэмы. Знаковыми в этом смысле являются строки И. П. Бороздны о фонтане Бахчисарайского дворца:

Воздвигнут он не на забаву,
Нет! Начертание гласит:
«Ключ этот здравие дарит».
А я примолвил бы: «и славу!»! [3, с. 155].

Это позволяет сделать вывод о том, что путешествие И. П. Бороздны — своеобразное поэтическое паломничество в Бахчисарай, ставший «храмом вдохновенья». Ощущая незримое присутствие А. С. Пушкина, И. П. Бороздна в «бахчисарайской» главе пишет:

Безвестный путник, целый день
Я слушал говор водомета,
Перед которым девы тень
Мелькнула над челом поэта [3, с. 154].

Очень важно отметить, что и Ханский дворец в описании И. П. Бороздны довольно близок к пушкинскому описанию:

И шкафов бедные обломки,
И обвалившиеся полки,
Где бережливо под замком
Хранили девы молодые
Свои одежды дорогие,
Унизанные жемчугом!
Здесь ожерелья их лежали,
Алмазы, яхонты блистали... [3, с. 152–153].

Теперь сравним с «Бахчисарайским фонтаном»:

Я видел ветхие решётки,
За коими, в своей весне,
Янтарны разбирая чётки,
Вздыхали жёны в тишине [9, т. 3, с. 157].

И. П. Бороздна, как бы «перенесясь» во времена А. С. Пушкина, вводит в поэму картины запустения некогда роскошного дворца:

Теперь и мрачен он, и нем,
Как одинокая гробница» [3, с. 152].

Однако важно заметить, что в 1830-е гг., т. е. во времена поездки И. П. Бороздны и В. П. Завадовского, Ханский дворец находился уже в другом состоянии. И в первом же комментарии к главе И. П. Бороздна, сопровождая его пометой «NB!» (а кстати, подобных помет поэма более не содержит), отмечает: «Дворец Бахчисарайский — уже не в том виде, как был, по описанию путешественников, лет за пятнадцать (А. С. Пушкин посетил Бахчисарай в 1820 г., т. е. за четырнадцать лет до И. П. Бороздны. — А. Ш.): он поддержан как нельзя лучше» [3, с. 158]. Но, как видим, в поэтический текст И. П. Бороздна ввёл не реальную, увиденную им картину, а заимствованную из текста «Бахчисарайского фонтана». Можно допустить такую мысль: И. П. Бороздна стремился «мечтой» побывать и в *пушкинском* Бахчисарае, и

в пушкинском времени Бахчисарая. И, хотя посещение Бахчисарая А. С. Пушкиным и И. П. Бороздной разделено всего четырнадцатью годами, И. П. Бороздна воспринимает пушкинский текст как «преданья старины глубокой».

Он помещает в свою поэму эпизод, который преподносит как обработку одного из местных «вдохновительных преданий» [3, с. 177], как «удивительный рассказ», «подслушанный в Тавриде» [3, с. 178], — «Мирза и Арнаут». С поэмой А. С. Пушкина этот эпизод связывает ряд композиционных мотивов. Так, в центре повествования, как и в «Бахчисарайском фонтане», — драматичная «гаремная» история любви мусульманина к христианке.

Мирза Ибрагим, живший «не вдали от Аюдага» [3, с. 214] был «скуп, угрюм и нелюдим» [3, с. 178], богат, владел «невольниц шумною толпою» [3, с. 179], любил «лишь моря волны», привозя из дальних стран «червонцы», «коней удалых» «груды камней драгоценных», невольниц [3, с. 180]. Однажды Ибрагим привозит новую невольницу Зою, сразу затмившую для него всех прочих «затворниц». В гареме она получает имя Фатима, но живёт в отдельном покое со служанкой-гречанкой. Пленница-христианка подолгу молится и оплакивает убитого Мирзой мужа и сокрушается о судьбе потерянного сына:

Вот сын — младенец милый мой!
Вот к морю повлекли злодеи —
И, может быть, он взят волной... [3, с. 184].

Ибрагим пытался её утешить и поклялся:

О! страсть моя не знает меры!
Не трону я твоих икон,
Твоих крестов и прежней веры —
И воля Зои мне закон!
Я во свидетели без страха
Зову Пророка и Аллаха!

Растроганная женщина признаётся, что носит под сердцем ребёнка — «залог супружества» [3, с. 185] — и тут она узнает дикий нрав своего хозяина: Мирза, «заскрежетав зубами», «с нахмуренным челом» вышел, «промолвив сурово», что «уж слово дано» [3, с. 186]. Вскоре у Зои рождается дочь. Но Мирза охладевает к женщине, и даже известие о её внезапной смерти его не трогает. Дочери Зои, Аише, прочилась жизнь в Бахчисарайском дворце. Однако на этом поэма не заканчивается, и в центре повествования — следующая история уже повзрослевшей Аише.

Крым охватывают мятежи татар, и подавляет мятежи греческий батальон, «визити Эллады» [3, с. 213] — арнауты. Поясним, что в этом случае у И. П. Бороздны легендарные события переплетаются с историческим планом. Греки-арнауты — это жители Балаклавы, переселенцы с островов Архипелага, принимавшие участие в русско-турецкой войне 1766–1774 г. на стороне России. Из них был сформирован Балаклавский полк, которому была поручена охрана береговой полосы от Севастополя до Феодосии. Путешественница О. П. Шишкина, посетившая Крым в 1845 г., подробно рассказывает историю этих поселений и отмечает заслуги балаклавских греков по защите российской государственности в Крыму. Она также поясняет, что арнаутами греков называли, «злобясь на них», татары [12, с. 170]. Кстати, слово «арнаут», по словарю В. И. Даля, означает «изверг, зверский человек, басурман» [4, с. 67]. Разумеется, историю балаклавских греков знал и И. П. Бороздна. Более того, как мы видим, в названии «предания» он даже опускает слово «грек», оставляя только «арнаут».

Во второй части «Мирзы и арнаута» речь идёт о молодом арнауте Ламбрико, оказавшемся в Крыму с отрядом, умиротворяющим татар. Защищая от арнаутов дом, погибает Ибрагим. Среди освобождённых пленниц Ламбрико встречает Аише и сразу влюбляется в неё. Аише уходит из разрушенного дома Мирзы и скрывается в гроте на Аюдаге. Чтобы жениться на Аише, Ламбрико призывает священника, который крестит её и нарекает Еленой. На следующий день влюблённые должны обвенчаться, но ночью Аише снится мать, рассказывающая о спрятанном в стене дома Мирзы послании и о том, что, если Аише, не прочитав его, исполнит брачный обет, она будет проклята собственной матерью.

За свитком отправился Ламбрико, однако его корабль попал в бурю, и молодой арнаут утонул, но драгоценное послание продолжал держать в руке. Из послания матери Аише узнала о том, что Мирза был «архипелажских вод пират», Ламбрико же был её родным братом [3, с. 228]. С тех пор судьба Аише-Елены покрыта тайной:

Лишь слух носился, что порою
Пловцы видали над скалою
Какой-то призрак в час ночной;
Что там нередко голос дикий
Кричал: «Ко мне, ко мне, Ламбрико!».
И что меж ними та скала
Скалою Девы прослыла [3, с. 229].

Сложно представить, что «Мирза и Арнаут» — эта длинная, запутанная история, рассказанная И. П. Бороздной, — имеет хоть какую-нибудь связь с реальными местными преданиями. Нами не было выявлено крымских легенд, которые могли бы лечь в основу сюжета или как-либо перекликаться с сюжетом «предания» И. П. Бороздной, имеющего слишком сложную фабульную структуру с достаточно наивными историко-временными смещениями. Но зато в «Мирзе и Арнауте» очень заметна переключка с «Бахчисарайским фонтаном», отмеченная в начале статьи.

Во-первых, главный герой, Мирза Ибрагим, наделен теми же чертами, что и хан А. С. Пушкина, чертами, в общем-то, характерными для героя романтического произведения: индивидуализм, свободолюбие, жестокость, воинственность. Герой И. П. Бороздной несколько «снижен»: он не хан, а мирза. При этом следует отметить, что, И. П. Бороздна в описании своего героя отходит от исторической достоверности: мирза в его эпизоде — «архипелажских вод пират» [3, с. 228], а крымские татары, как известно, пиратством не занимались, и, разумеется, ни одно местное предание ничего подобного не содержит.

Зоя у И. П. Бороздной и Мария у А. С. Пушкина, обрисованные довольно схематично, также обладают рядом общих характеристик: обе — тоскующие невольницы-христианки, невольно покорившие сердца своих порабитителей.

Пейзажные и интерьерные зарисовки «Мирзы и Арнаута» традиционны для романтической поэмы; выбор лексических средств и тропов соотносятся с пушкинскими описаниями Бахчисарая. Например, образ «птички, странницы воздушной» в «позлащенной клетке» [3, с. 181], которой стал для невольницы роскошно убранный дом порабитителя:

Приют невольницы своей
Мирза убрал великолепно,
Богатых не щадя ковров» [3, с. 181].

Показательно, что своё «предание» И. П. Бороздна завершает неожиданно: та самая скала, где причитала Аише (Елена), по утверждению поэта, названа скалой Девы. В примечании И. П. Бороздна ещё более «расширяет» историческое действо. Он указывает, что «место, где оканчивается повесть, есть та скала, близ которой был храм Девы-богини» [3, с. 241], таким образом, связывая историю Елены с древней крымской загадкой о храме Дианы Таврической. И. П. Бороздну не смущает при этом, что храм, по мнению историков, мог находиться не только близ Аюдага, но и в Херсонесе либо на мысе Фиолент (вспомним А. С. Пушкина: «К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм...»). Предупреждая недоумение читателя, И. П. Бороздна в комментарии защищается тем, что поэт «имеет право соединять предания древности с позднейшими вымыслами, лишь бы последние не оскорбляли первых» [3, с. 242].

Как видим, И. П. Бороздна учитывает пушкинский поэтический опыт, ориентируется на него, но создаёт собственный крымский текст. Вся его поэма — романтическое воспоминание о путешествии, текст, не отвлечённый от автора, с элементами биографизма, с существенной исторической конкретикой, с перечислением ряда имён, с большим количеством лирических отступлений. Всё сказанное убеждает нас, что «Поэтические очерки...» должны занять своё место в ряду произведений, вдохновлённых «могучим гением» [3, с. 153] А. С. Пушкина.

Литература

1. Боровой С. Я. «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века // Пушкин на Юге: Труды Пушкинских конференций Одессы и Кишинёва. Кишинёв, 1961. Т. 2. С. 265–288.
2. Бороздна И. П. К Пушкину // Русские поэты о Пушкине: сборник стихотворений / Сост. В. В. Каллаш. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. С. 29–31.
3. Бороздна И. П. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах к графу В. П. З...му. М.: Типография С. И. Селивановского, 1837.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т. 1. А–З.
5. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1978.
6. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М.: Слово, 1999.
7. Модзалевский Б. Л. Дополнение и поправка // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1908. Вып. VIII. С. 87–89.
8. Модзалевский Б. Л. Из бумаг С. Л. Пушкина. Предисловие // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1908. Вып. VIII. С. 40–42.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
10. Строганов М. В. «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (и не только Пушкин) // Крымский текст в русской культуре: Материалы Международной научной конференции. СПб., 2008. С. 72–88.
11. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989.
12. Шишкина О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб., 1848. Ч. II.